Пуля для императора

Автор:
Андрей Белянин

Пуля для императора

Андрей Олегович Белянин

Цепные псы Империи #2

Молодой граф Михаил Строгов продолжает свое путешествие по России, стремясь разгадать тайну записных книжек своего отца. И узнает о предстоящем покушении на императора…

Андрей Белянин – автор 35 книг, вышедших суммарным тиражом свыше 5 млн экз. В 2013 г. получил премию «Фантаст года» как самый тиражный автор этого года.

Книга выходит в авторской редакции.

Андрей Белянин

Пуля для императора

© ИП «Карповский Дмитрий Евгеньевич», 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

«Когда я отправлял своего единственного сына в далёкую, враждебную всему русскому Великобританию, сердце моё сжималось от горя двойной утраты.

Жестокое убийство моей супруги, совершённое едва ли не на глазах маленького Михаила, мои ладони в её крови, её последний выдох, светлым облачком коснувшийся моих губ, лицо сына, видящего мёртвую мать на моих руках…

Видит Бог, никто из нас не желал такой судьбы. Я знал, на что иду, в срок принимая от своего отца браслет ордена Цепных Псов, как и он, верой и правдой служа русскому трону.

Мне довелось воевать почти на всей территории Империи, от Крыма до Сахалина. Я участвовал во всех войнах, много раз был ранен, умирал от лихорадки, вызванной отравленной иранской стрелой, я четырежды спасал жизни русских царей, но не мог защитить свою жену.

Единственное, что я сумел сделать для сына, это отправить туда, где никто не станет его искать. В самое логово нашего вечного недоброжелателя…»

(Из записных книжек капитана Николая Строгова)

Эта маленькая, толстая, потрёпанная тетрадь в кожаном переплёте, более похожая на самодельный блокнот, содержала много обрывочных сведений о моём отце. Сейчас я понимаю, что совершенно не знал его.

Когда мне было семь-восемь лет, я безумно любил его. Любил самой искренней, чистой и открытой любовью, на которую только способно мальчишеское сердце. Втайне надеясь, что он видит это, что если я буду делать всё, как он скажет, отец заметит моё рвение, станет проводить со мной больше времени, будет гордиться мной.

Когда же после того страшного дня и похорон матери отец молча отправил меня в неизвестный и пугающий Лондон, моё детское сознание было растоптано

одним словом – изгнание. Он прогнал меня с глаз, как негодного щенка, он бросил меня одного на чужбине, я больше не нужен ему, но кроме него у меня больше не осталось ни одной родной души.

Сейчас я понимал поступок моего отца. Но простил ли его? Не знаю…

– Ты уснул, что ли, паря?

Что-то, похожее на лондонский мост по тяжести и жёсткости, ударило меня в плечо, едва не вышибив из седла. Упс, похоже, я действительно уснул. Оксфордская привычка спать на лекциях то правым, то левым глазом попеременно на этот раз себя не оправдала.

– Матвей, – с чувством ответил я, стараясь максимально сохранять присущую аристократу невозмутимость, – в Британии вы бы никогда не получили даже пост дворецкого. Максимум должность вышибалы в каком-нибудь грязном портовом баре.

– Да ты на себя посмотри, джентльмен с небритой харей! А будешь спать на ходу, я вон мисс Аннушку попрошу нежной ручкой тебе по загривку леща отвесить. Не откажешь старику, доченька?

– Для вас, дядя Матвей, всё, что угодно! – лучезарно сверкнула зубками дочь английского посла.

Ну вот. Опять все против меня. Я покачал головой, отряхивая грёзы Морфея, и поскрёб ногтями щёку. Побриться действительно не мешало бы. Да и вообще, если бы сейчас кто-то видел нашу троицу со стороны, то ни за что бы не поверил, что мы прибыли из блистательной столицы Российской империи, самого Санкт-Петербурга!

Прежний костюм, хоть и в изрядно замызганном виде, сохранился лишь у старого конвойца. Полы его черкески обтрепались о колючий кустарник до эффектной бахромы. Некогда начищенные мягкие сапоги теперь стали какими-то рыжими, мятыми, со сбитыми каблуками. Кожа на ножнах кинжала расцарапана, чёрная папаха с красным верхом вообще больше напоминала какого-то неизвестного науке зверя, нагло усевшегося на покрытой серебряным ёжиком макушке нашего казака.

Мой английский костюм давно пришёл в негодность. В какой-то случайной лавке у села, названия коего вы не встретите ни на одной карте, мне были куплены грубые штаны, сапоги армейского образца, рубаха с вышивкой и короткий тулуп. Впрочем, очень удобный, хоть и с двумя зашитыми дырами от пуль на спине.

А ещё на меня водрузили какую-то страшную лисью шапку под названием malahay. Перевода не спрашивайте, сам не знаю, но вид у меня в ней был совершенно дикий. К тому же она пахла псиной и постоянно сползала на глаза.

Мисс Энни поморщила носик и сразу сказала, что теперь-то она видит мой истинный облик – азиатский бандит с большой дороги! Как выглядела она сама, я, пожалуй, умолчу.

Чисто из зависти. Этот предательский денщик раздобыл ей простое длинное платье, разрезал подол по бокам, купил (или украл, у него и то и другое запросто!) неизвестно где узкие уланские брючки и аккуратный дамский полушубок. На голову она повязывала расшитый русский платок и при всём варварстве внешнего облика выглядела вполне себе привлекательно. Ну вот, умолчать не получилось…

Мы добыли достаточно хороших лошадей местной алтайской породы, невысоких, крепких и очень выносливых. С оружием, правда, беда, запасных патронов под маленький «лефорше» нам нигде купить не удалось. За казачью шашку в серебре Матвей и выторговал наших лошадок, теперь на его поясе красовался лишь длинный дедовский кинжал.

Причём на мой шутливый намёк, что за эту вещь можно было нанять ямщика до самого Байкала, грозный казак без малейшей улыбки пообещал продать меня в рабство каким-нибудь ордынским басурманам, но кинжал не отдаст нипочём! И хотя эпоха правления Орды в этих местах давно минула, я предпочёл не рисковать…

– Вот он, Байкал-батюшка, живое море, бездонное озеро, хрустальное око Господа нашего, – не без поэтичности широко перекрестился Матвей, кивком головы указывая вдаль.

– Значит, мы прибыли? – рыженькая англичанка с воодушевлением приподнялась на стременах. Прямо перед нами, от края до края, сколько позволял обзор, раскинулась голубая зеркальная гладь одного из самых известных озёр в мире.

По своей учёбе в Оксфорде я помнил, что его часто сравнивают с морем, что его глубины мало исследованы, что над ним властвуют могучие ветра и неуправляемые течения, что здесь самая чистая вода и зимой якобы даже можно видеть сквозь лёд стаи рыб, проплывающих на три-пять-десять футов под водой!

Я сунул руку за пазуху и достал записную книжку отца. Каждый вечер при свете свечи или костра мне доводилось перелистывать пожелтевшие страницы. Словно бы впитывая его почерк, короткие заметки, таинственные истории, непонятные рисунки и знаки. Быть может, поэтому пальцы сами собой открыли нужную страницу.

– Боюсь, что именно тут нас будут ждать самые большие испытания, – пробормотал я себе под нос.

Надеюсь, меня не услышали. Последние три-четыре дня наш путь пролегал по узким тропам между высоких сопок. Общих дорог, как вы понимаете, нам давно приходилось избегать. Если бы не эти вечные блуждания по «куширям и буеракам», как выражается наш Матвей, возможно, мы прибыли бы на Байкал неделей-другой раньше. Но хуже всего, что во мне крепло нехорошее предчувствие того, что если таинственные преследователи знали о конечной цели нашего маленького отряда, то что им мешало, пользуясь широкими дорогами, опередить нас и устроить засаду где-нибудь на побережье?

– Пошли, что ль? – старый казак тронул бока своей лошади каблуками и первым начал спуск по тропе. Мы двинулись следом, предавая свои жизни его опыту и звериному чутью человека, закалённого страшным горнилом постоянных войн и приграничных стычек. И то, что мы до сих пор живы, это, конечно, его заслуга.

– Ты чего задумался, твоё ж благородие? Рот закрой, ворона залетит, гнездо совьёт, гадить будет!

Я его убью. Вот потренируюсь ещё немного в стрельбе, вызову на дуэль и убью. Иначе он своими насмешками меня в гроб вгонит.

– Уважаемый сэр, – с искренней вежливостью обратилась ко мне дочь английского посла, – вы не могли бы ехать впереди меня? Понимаете, когда я еду перед вами, у меня складывается впечатление, что вы меня рассматриваете. Со спины. Уж не знаю, на какой предмет…

Я покраснел.

– Нет-нет, ничего личного! Просто мне щекотно…

Вот её мне тоже хочется убить с завидной периодичностью. Ибо, если в грубости Матвея прослеживается хоть какая-то воспитательная цель, мисс Энни Челлендер изводит меня просто потому, что ей это нравится. Подойдём поближе к Байкалу, утоплю обоих…

Не успел я как следует додумать эту сладкую мысль, как откуда-то сзади раздался тонкий детский крик!

– Понеслась душа в рай! – прокомментировал старый казак поступок моей лошади, которая, прижав уши, молча бросилась на голос.

Моё мнение она игнорировала, закусив удила и не реагируя на плеть. А поскольку мы с ней являлись замыкающими, то мне и пришлось волей-неволей возглавить армию спасения. Детский крик продолжал рваться под небеса, я на скаку выхватил револьвер.

Гнедая кобыла бодро вынесла меня на небольшую полянку в гуще леса, где у корней вывернутого дерева сжалась в комочек маленькая черноволосая девочка в незнакомых одеждах. Буквально в трёх шагах от неё выгнула спину большая рыжая кошка с чёрными кисточками на ушах.

– Рысь! – скорее подумал, чем сказал я, вскидывая руку.

Три выстрела слились в один, словно бы полотно с треском разорвалось. В пороховом дыму не было видно, куда прыгнула хищница, но надеюсь, я хотя бы

её ранил. Грозный окрик Матвея заставил меня броситься с седла едва ли не вниз головой.

– Девчушку прикрой, герой, штаны с дырой! А энтой кошке я своей рукой короткий хвост отчекрыжу…

– Удачи, – только и смог пожелать я, отплёвываясь травой и сосновыми иголками.

Почти на четвереньках подобравшись к бедному ребёнку, мне удалось обнаружить, что ножка девочки в узорном сапожке зажата стальными челюстями капкана. Наверняка поставленного на ту самую рысь…

– Не ушла, стерва-курва драная. – Бывший конвоец с удовлетворением приподнял одной рукой безжизненное тело зверя. – А ты где стрелять-то так навострился? Три пули – и все в цель. Уважаю!

Пока мы, мужчины, тратили время на всякие глупости, как было написано на гневном личике юной англичанки, она сама уже вытирала платочком зарёванное лицо ребёнка и даже пыталась тонкими пальчиками разжать челюсти капкана. Разумеется, ей это не удалось.

Даже под моим нажимом он открылся не сразу, но я справился. Ножка девочки была освобождена, а плакать она прекратила в ту же секунду, как только уставилась узким полумесяцем глаз на Матвея с мёртвой рысью на руках. Ну естественно, кому тут у нас главное внимание, только ему…

– С тобой всё хорошо, маленькая моя? – заулыбалась мисс Челлендер, хлопоча вокруг бедняжки. – Ножка не болит? Наступить на неё можешь? А где твои мама и папа? Ты что, сиротка-а…

Старый казак кротко вздохнул, перебросил тело рыси на седло своего недовольно храпящего коня, потом шагнул вперёд, взял ребёнка на руки и молча посадил на мою лошадь.

– Покажешь дорогу?

Девочка кивнула. Матвей взял двух лошадей под уздцы и повёл по тропинке куда-то вниз по склону. Я помог англичанке влезть в седло.

– Мы изменили цель маршрута?

– Не знаю. Думаю, что Матвей хочет отвезти ребёнка домой, в какой-нибудь посёлок или стойбище. Сколько помню, на землях Восточной Сибири проживает более десятка различных народностей.

– Будем надеяться, что они гостеприимны и не промышляют разбоем, – философски кивнула мне рыжая Энни. – Признайтесь уже, Майкл…

– Михаил, – поправил я.

– Yes, of course, Михаил. Что же мы всё-таки ищем на Байкале? То есть что конкретно? Не поймите меня неправильно, но это и мой выбор тоже. Я пошла с вами лишь потому, что моего бедного отца безжалостно зарезали, словно быка на скотобойне. Я хочу вам помочь, но я должна знать, как и чем…

– В первую очередь мы ищем латинскую букву S. Она не раз встречается в записках моего отца, и именно её вывел кровью ваш сэр Эдвард в ту ночь. Простите.

– Ничего. За время нашего путешествия я столько раз видела смерть, что, кажется, уже начинаю привыкать к ней. В конце концов, я ведь британка по крови, и это наша нация наложила лапу английского льва на весь мир, от Индии до Нового Света.

– Кроме России, – ещё раз поправил я.

– Кроме России, – согласилась она таким тоном, словно гордилась этим.

Ох, мне бы её уверенность…

Я не мог не замечать очевидных недостатков своей родины, вопиющей антисанитарии постоялых дворов, нищеты деревень, процветающего взяточничества и мелкопоместного тиранства. Как не мог объяснить себе

странное понимание внутренней свободы этих людей.

Русские очень чётко делили свободу личности и свободу общества. Они были готовы терпеть любые беды и лишения, лишь бы не потерять свободу! Не собственную, не личную, а какую-то условную свободу страны! Они мыслили себя свободными, лишь если свободна их родина…

Но разве плохо живётся странам и народам английских колоний? Британия строит им железные дороги, развивает торговлю и промышленность, продаёт товары и учит правильному образу жизни. Цивилизации, в конце концов!

Ведь именно под властью короны Индия стала настоящим бриллиантом Востока! А наша благотворительность и огромные средства, ушедшие на освоение Нового Света? А сотни наших храбрых ребят, погибших за интересы всего мира в Пакистане, в Китае, в диких и неосвоенных землях Азии, Африки, Австралии?!

Почему же эта грубая, варварская Россия так твёрдо отрицает цивилизацию и направляющую роль просветительской руки Запада?! На минуту я почувствовал себя самым упёртым консерватором в палате лордов. Ещё больше средств на увеличение армии и флота! Ещё три или четыре военных крейсера к Архангельску или берегам Крыма! О боже…

Они убили моего отца ради пресловутого блага Англии, и даю слово джентльмена, я выясню, что же это за благо…

– Майкл, Майкл! Ой, в смысле Михаил, – свесилась ко мне с седла мисс Энни. – Вы только послушайте, они уже болтают, как старые знакомые! Ну не прелесть ли?

Я не стал уточнять, кто именно из пары «старый и малый» кажется ей прелестью, но согласился, что эти двое нашли общий язык. Девочка вполне бодро общалась на русском, правда, со смешным неподражаемым акцентом.

– Я в лес сама пошла-пошла. Каждый день хожу, да! А капкан наш сосед ставил, злой сосед, нехороший сосед. Жадный-жадный!

– Нога-то не болит, балаболка?

– Болит, да-да. Немного болит. Завтра не будет болеть!

– Вот и ладушки, – охотно поддерживал беседу бородатый казак, который, как всегда, говорил мало, но по существу, каким-то непостижимым образом вызывая доверие у всех, даже у этой дикарки. – Ты сама-то из чьих будешь? Бурятка али башкирка?

– Курыканы мы, – важно ответила девочка. – Меня Айгуль зовут.

– Красивое имя.

– По-вашему «лунный цветок» будет! Мне священник так сказал, да-да! Он в большом городе живёт, к нам в посёлке тоже ходит, везде ходит, да-да! Всё-всё знает! А тебя Матвейка зовут?

– Матвей, – поправил старый казак.

– Не, Матвей страшный, – рассмеялась девочка так, словно кто-то высыпал хрустальные бусы на серебряный поднос. – А ты добрый, ты Матвейка-Матвейка!

Видя, как покраснел старый конвоец, мы с Энни невольно улыбнулись. Ага, значит, и у него есть слабости. Ну-ну, брутальный кубанский казак, теперь-то мы точно знаем, как к вам следует обращаться…

– А вы позовите его, – заговорщицки наклонилась ко мне юная англичанка. – Только так, как эта девочка!

– Матвей… – громко начал я и вовремя осёкся. – Ка… к-ка… Я хотел спросить, если позволите. Быть может, родственники этой малышки помогут нам в поисках?

– У меня спроси, да, – гордо вскинулась Айгуль. – Мой дедушка шаман, он всё в лесу знает, он с духами говорит, да-да! Чего ты на Байкале ищешь?

– Вот, – я подошёл поближе и раскрыл перед ней записную книжку отца там, где была изображена латинская буква S.

– Удила коня Чингисхана?!

Матвей рывком остановил лошадь.

– А ну-ка объясняй, кроха. Что за удила такие и при чём тут Чингисхан? Он ить уже лет пятьсот-шестьсот как помер.

– Не знаю, – Айгуль явно смутилась. – А вот этот знак знаю, да-да. – Она ткнула пальчиком в букву S. – Это удила коня Чингисхана, у нас все так говорят-говорят, все их видели, да! Только туда нельзя ходить…

– Отчего ж? – сурово выгнул бровь папин денщик.

– Нельзя, Матвейка, не ходи! Ольхон – большой остров, страшный, там духи в пещерах живут-живут, там люди пропадают, да…

Ну вот примерно на данной оптимистичной ноте (если кто не понял, то это был сарказм) мы неожиданно выехали из леса и были встречены дымом костров, собачьим лаем, запахом жареного мяса и настороженными взглядами охотников-курыканов.

Кажется, нам тут были не очень рады. Но, с другой стороны, если тебя не встречают ружейными залпами, это уже вселяет надежду, не правда ли?

– А мне тут даже нравится, – осторожно улыбнулась рыжая англичанка. – Смотрите, они все хотят с нами познакомиться! И их так много… очень… слишком много.

Собственно, и пары минут не прошло, как вокруг нас столпилось всё племя. Мужчины, женщины, старики, дети, человек семьдесят – восемьдесят, не меньше. И ещё наверное два десятка громких собак с закрученными хвостами. Разве что лошади, пасущиеся у леса, не пошли нас смотреть, уже спасибо…

Должен признаться, я совсем не люблю быть в центре внимания. Скромная жизнь тихого филолога, занимающегося милой сердцу научной работой, всегда нравилась мне гораздо больше. Тем более что у большинства мужчин были охотничьи луки и даже, пусть и не новые, но ружья. А суровые взгляды этих

людей чётко говорили, что пользоваться этим оружием они умеют…

– Дедушка-а! – Айгуль осторожно спрыгнула с седла прямо на руки невысокому крепкому старику.

Одет шаман был в свободную рубаху и штаны, сшитые из выделанных шкур, плащ на плечах расписан непонятными узорами, на шее амулеты из костяных и деревянных фигурок непонятной формы, на ногах растоптанные русские сапоги.

Его почти плоское жёлтое лицо, изрезанное сотнями морщин и шрамов, в обрамлении спутанных седых волос и короткой бороды, скорее походило на какую-то страшную этническую маску. Узкие черные глаза смотрели строго, но без неприязни.

– Нас съедят? – на всякий случай уточнила мисс Энни.

– Мне и самому любопытно, – чуть поморщился я. – Но вряд ли, племена Сибири не отличаются склонностью к каннибализму. По крайней мере, так написано в учебниках.

– Уф, слава богу, от сердца отлегло.

– Но принести в жертву тому же озеру Байкал или духам гор вполне могут.

– Мне уже начинать бояться?

– Пока нет. Думаю, минут через пять-десять.

Девочка что-то зашептала деду на ухо на своём языке. Старик покачал головой, почесал в затылке, подергал себя за бороду, а потом поклонился нам.

– Гости, – коротко сказал он.

Люди расслабились и заулыбались.

Гости, понятное дело, значит, пока мы в безопасности.

– Вождя нет, однако. Ко мне ходи, да!

Матвей поклонился в ответ, мы последовали его примеру, после чего все проследовали за прихрамывающей девочкой, которая указывала на стоящее в отдалении низкое сооружение из жердей, шкур и бересты. На первый взгляд нечто среднее между обычной землянкой, малороссийской мазанкой и северным чумом.

Пока папин денщик рассёдлывал и стреноживал наших усталых скакунов, неутомимая англичанка первой нырнула в жилище шамана, а я, пользуясь возможностью, решил быстро осмотреться вокруг.

Как я понимаю, курыканские племена делились на степные и лесные, свободно кочевали, но могли и по несколько лет осёдло оставаться на одном месте, занимаясь охотой и рыболовством. Жили деревнями и стойбищами, имели много детей, верили в духов, хотя многие охотно принимали и православие.

Племенем правил вождь, его должность была избираемой каждый год. Причём это не обязательно был старый человек, главное значение уделялось личностным качествам – боевому опыту, успехам в охоте и рыбалке, умению заботиться о всех и о каждом. А, как известно, эти вещи далеко не всегда передаются по наследству.

В огороженном загоне, у леса, паслось более десятка резвых тонконогих лошадей, ближе к озеру на жердях сушились сети. Люди быстро забыли о нас, разойдясь кто куда, у каждого были свои дела, а навязчивое любопытство считалось невежливым.

Поскольку солнце давно перевалило за полдень, уже вовсю горели костры, женщины готовили еду, ароматы чего-то жареного разносились в воздухе, и я почувствовал звериный голод. В последний раз мы нормально ели в каком-то алтайском селе, в маленьком трактире, дня три-четыре назад. Потом только сухомятка.

Если к концу нашего путешествия у нас всех будет больной желудок, я не удивлюсь. У всех, это кроме Матвея, он, по-моему, вполне мог питаться одними сухарями и водой, но пару раз я замечал, как он жуёт маленькие зелёные шишки. Сосновые.

Я пробовал, ох какая же дрянь горькая, и во рту вяжет…

– В дом ходи, – раздалось сзади.

Старик шаман, откинув полог из старой мешковины, пригласил меня в своё жилище.

Маленькая Айгуль уже хлопотала у огня, на её лодыжке виднелась свежая повязка, аккуратная и тугая. Ей повезло, что сапожок был из хорошей кожи. Серьёзный капкан на волка или медведя мог бы просто раздробить ножку девочки.

Энни с Матвеем тоже были внутри, сидя на простых шкурах, брошенных наземь. Старик налил мне тёплого «чая» (беру это слово в кавычки, что такое настоящий английский чай, я уже почти забыл), пахнущего чабрецом, мятой и какими-то таёжными травами.

– Ты зверя стрелял? – строго спросил он.

– Я.

– Метко стрелял. Внучку спас, да. Буду добром платить, – важно кивнул он и вдруг резко выбросил вперёд левую руку, сделал вид, что кого-то поймал у меня на плече. – Дух, да. Нехороший, злой! Тебе мешал, плохо делал.

Шаман начал трясти сжатым кулаком, бормоча себе под нос какую-то невнятную белиберду, потом разжал пальцы над огнём, и маленькое пламя в очаге на миг вспыхнуло синим. Фокус, наверное…

– Духа прогнал, да, съел его огонь. Теперь ты легко пойдёшь. Куда пойти хочешь?

Я перехватил взгляд сурового казака, послушно достал из-за пазухи записную книжку отца и, раскрыв на нужной странице, протянул старику. Этот лесной колдун сначала понюхал бумагу, даже лизнуть попытался, потом отобрал её у меня и наконец твёрдо сказал:

– Удила Чингисхана!

– Латинская буква S, – поправил я, возвращая себе записную книжку. – Мы хотим знать, где это и что оно из себя представляет?

– Ольхон-остров ходи, да, – старик потянулся к моему уху ловить очередного «злого духа», но я его остановил.

– Спасибо, достаточно. Лучше скажите, почему вы называете этот знак удилами Чингисхана?

– И что такое Ольхон? – тут же добавила мисс Энни.

Дед и внучка посмотрели друг на друга, почти одновременно пожали плечами, а потом Айгуль, лучше владеющая русским языком, затрещала, как весенний дрозд на ветке дуба в графстве Суссекс.

– Ольхон – остров большой! Самый большой-большой на Байкал, да! Там зверя много, птицы много, горы есть, пещеры есть, да! Туда охотники не ходят, там в Белой горе дух Чингиса живёт! Страшно-о?! Ой-ой-ой!

– Там знак, – шаман нарисовал на золе ту же букву S.

Малышка кивнула и пояснила:

– Удила для лошади. Чтоб покорной была, да-да, чтоб слушалась хозяина. Дух Чингисхана – хозяин Ольхона, да-а…

В жилище как-то сразу стало очень тихо. Даже огонь в очаге притих и не потрескивал, пожирая сухие ветки. В широко раскрытых глазах мисс Челлендер замерло предвкушение разгадки мистической тайны или потустороннее ощущение прикосновения к чему-то оккультному. А может, я просто поэтизирую расслабленное состояние рыжей англичанки. Да и вообще, кажется, уделяю ей слишком много своего внимания…

– Стало быть, сегодня здесь заночуем, – решительно хлопнул себя по коленям папин денщик, нарушая священную тишину. – А с утречка лодку раздобудем, и

на Ольхон. Пошукаем, как там чего. Чингисхан-то, поди, давным-давно как помер, небось не укусит!

Детально описывать весь остаток вечера, наверное, не стоило. Я и не буду.

Вполне достаточно сказать, что каждый из нас нашёл чем заняться. Мисс Энни Челлендер куда-то ушла с прихрамывающей Айгуль. Возможно, пошли осматривать какие-то местные достопримечательности или знакомиться с женским населением. Их дело.

Суровый казак занялся убитой мною рысью, ему зачем-то срочно понадобилось снимать с неё шкуру. Лезть к нему с вопросами или советами – это только нарываться.

Я же остался у огня, старик шаман заставил меня выпить ещё пару медных чашек этого странного чая. А знаете, даже затягивает. Что они туда намешали? Неважно…

Вдвоём мы долго рассматривали страницы в записной книжке моего отца.

Я даже пытался читать ему вслух, что там было написано, но он меня не слушал, ему это не было интересно. Зато старик с видимым удовольствием водил грязным ногтем по чёрным перьевым рисункам и тихо урчал себе под нос, словно разговаривал с картинками.

Сам я видел их уже добрую сотню раз, но, честно говоря, мало что понимал. Какие-то закорючки, пляшущие человечки, схематические изображения животных – зайца, лисы, медведя, лошади и змеи. К чему и зачем – не пояснялось. Просто под латинской S, или удилами Чингисхана, называйте это как угодно, чередой шли эти люди и зверьки.

– Возможно, какой-то шифр? – спросил я.

Дедушка Айгуль недоумённо покосился на меня.

– Ну, я имел в виду, что каждое изображение может быть словом, буквой или какой-то аллегорией? Сакральный смысл? Тайна?

– А-а, – догадался курыканский шаман и покачал головой. – Тайна нет. Заяц прыгает. Медведь сильный. Лошадь скачет. Нет тайна, да.

– А человечки?

– Человек… Не охотник, не рыбак, не мужчина, не женщина. Да-да, человек. Нет тайна, – честно развёл руками старик, и мне пришлось с этим смириться.

Ну, нет так нет. Разумеется, было ясно, что смысл рисунков остался неразгаданным и для меня, и для него. Покойный отец словно играл со мной, внятно и чётко описывая события своей жизни и не давая ни малейшего обоснования схематическим изображениям.

Которых, слава богу, было относительно немного, что-то под знаком S и ближе к середине, какие-то ещё более фантастические картинки, но также, вне сомнения, нарисованные старательной рукой моего родителя. Художником он был неважным, но это так, это я уже просто цепляюсь.

Однако, если уж даже старый шаман не знает, что всё это значит, то похоже, я переоценил его мудрость. Но ответ всё равно где-то рядом, и он не так прост, как кажется старику…

– Вы поможете нам попасть на Ольхон?

– Ольхон – священное место, да. Ольхон плохих людей не любит.

– Мы хорошие, – поспешил напомнить я, но прежде чем дедок высказал своё мнение на этот счёт, в жилище вбежал незнакомый мне местный житель с красным лицом.

Одет так же просто, как все, на поясе большой нож с костяной рукояткой, а в руках старенькое, едва ли не кремнёвое ружьё, которым он грозно потрясал, что-то яростно крича.

– Тайкон, да, – так, словно бы я в курсе дела, покачал головой старый шаман, – говорит, ты убил его рысь. Отдай, говорит, да. Его добыча. Ты отнял.

– Ах, это, получается, тот самый охотник, в капкан которого попала ваша внучка? – я мельком глянул в перекошенное злобой и покрытое оспинами лицо гостя. – Скажите ему, что у меня нет рыси.

– Он знает. Большой человек снял шкуру. Тайкон говорит, шкуру отдай!

– Да мне не жалко, пусть берёт. Только это уже не ко мне, это к Матвею.

Шаман перевёл, и охотник тут же выбежал наружу, не забыв для острастки всё-таки погрозить мне ружьём. Я философски вздохнул, убрал записную книжку и просительно показал взглядом на чайник. Старик улыбнулся и с поклоном налил мне ещё чашечку.

Мгновением позже снаружи раздался какой-то шум, грохнул выстрел, а потом к нам, едва не угодив носом в очаг, влетел незадачливый Тайкон. Сломанное ружьё болталось на его шее, а во рту явно стало на пару зубов меньше…

– Это чтоб капканы свои где попало не ставил, – прогудел могучий казак, входя следом. – А ежели ещё хоть раз на меня свою пукалку наставишь, я тя на ейный же ствол посажу, сверху прихлопну, по улице пущу и скажу, что так и было!

Вот почему-то Матвея лесной охотник понял сразу и без перевода. И, судя по тому, с какой скоростью удрал, протиснувшись под шкуры на противоположной стороне жилища, ни спорить, ни отстаивать свои права на рысь больше не собирался.

– Можно было просто отдать ему шкуру. Нам-то она зачем?

– Вопрос принципа, хлопчик. Не люблю, когда на меня бурым лесом наезжают. Попросил бы по-людски, я б отдал. А он её из рук рвёт, да ещё и огрызается, как зараза!

– Может, чайку? Успокаивает…

– Не пью, – отрезал бывший конвоец. – Да и тебе не советую. Будешь потом до утра с духами беседовать. А водка-то есть?

Старик шаман хитро улыбнулся, пошарил где-то между валявшимися на полу шкурами и торжественно вытащил прямоугольный полуштоф зелёного стекла.

– Вождь с пятью охотниками в тайгу ходи. Ругаться не будет.

– Понятное ж дело, – рассудочно согласился папин казак. – Чего ж ругаться, коли хозяин гостю рюмочку предложит, с устатку и для здоровьичка – самое оно! Главное – не надираться, как у вас в Англии. Чего морду недовольную скорчил? Мне про то Аннушка рассказывала. Дескать, по выходным вся палата лордов на бровях!

Я было открыл рот, чтобы оспорить это голословное утверждение, но вовремя вспомнил, чьим словам он больше верит. К тому же, если совсем уж честно, пьют в Британии действительно неслабо. Не так, как в Ирландии, конечно, но уж… могут… чего там…

А знаете, быть может, грубиян Матвей был в чём-то прав насчёт этого таёжного чая. По крайней мере, мне в голову вдруг стали приходить странные мысли.

Вот если бы и вправду какой-нибудь добрый дух заранее, коротенько, попытался рассказать мне сейчас, что нас всех ждёт потом, то я бы первым отказался от этой затеи с походом за тайнами Цепных Псов и дворцовыми интригами.

Просто бросил бы всё и бежал!

Да, показал бы себя трусом, не достойным памяти отца, да, провалил бы его дело, покрыв своё имя несмываемым позором, но зато сколько людских жизней было бы спасено…

А Россия… Господи, да что с ней сделается?!

Стояла веками и будет стоять, невзирая на наши мелкие эгоистические потуги погубить или спасти её. Что такое один человек с позиций вековой истории? Винтик и крошка, пыль под колёсами Времени. Что такое наша жизнь в планетарном масштабе, когда тысячи людей рождаются и умирают ежедневно, не оставив после себя даже следа на песке?

Возможно, мне и следовало бы отступить. Просто тогда я не знал, что имею такую возможность. По крайней мере, она была до тех пор, пока нога моя не ступила на прибрежный песок острова Ольхон. А духи об этой возможности промолчали…

Утром, после лёгкого завтрака, состоящего из того самого чая и вяленых полосок рыбы, старик шаман повёл нас на берег. Мы с Энни зевали, всё-таки сон на медвежьих шкурах немножко превращает и тебя самого в медведя. Я был совсем не прочь залечь в спячку ещё часов на пять-шесть. Но кто ж мне позволит такую роскошь…

Два неулыбчивых рыбака отвязали длинные лодки, и мы отправились в путь. В одну сели, на правах пассажиров, я и шаман, в другую – мисс Челлендер и Матвей. Вот как он всегда умудряется быть бодрым и свежим, если вчера до полуночи квасил с дедом Айгуль?!

Мне взбрело было в голову предложить свою помощь курыканскому рыбаку (всё-таки в Оксфорде у меня был разряд по гребле), но он лишь презрительно хмыкнул в редкие чёрные усы, жестом вернув меня на своё место. Ну и ладно.

Я послушно сел на дно лодки, пропахшей рыбой и солью. Байкал – пресное море, и вода в нём чистейшая. С грязной Темзой не сравнишь, я бы никогда не предположил, что играющую за бортом рыбу действительно можно видеть на глубине пятьдесят или восемьдесят футов под водой!

Это казалось чем-то невероятным, но я видел проплывающих омулей ближе, чем через стекло в Британском музее. Солнце отражалось от озёрной глади звонкими бликами кривых азиатских сабель. Свежий холодный ветер кружил голову, а синее-синее небо с облаками казалось таким близким, что у меня складывалось ощущение какого-то нереального полёта над волнами.

Как говорил незабвенный Джон Китс, чья монография едва не прославила меня в учёных лондонских кругах:

О вы, уставшие от неги городской,

Оглохшие от суеты и жизни пресной,

Услышьте тихий, мерный шум морской

И в нём сирен сладкоголосых песни!

Не знаю, какие чувства обуревали душу рыжекудрой англичанки. Она отнюдь не чужда прекрасному и даже иногда вполне себе поэтична. Кстати, мне, видимо, стоило бы извиниться за обилие перифраз. То она у меня юная, то рыжая, то кудрявая, верно?

А ведь если совсем по-честному, то, наверное, стоило бы употреблять куда более ласковые прилагательные. По крайней мере, мне бы так хотелось. Иногда. Нечасто. Потому что она всё равно будет смеяться…

– Ойся ты, ойся, ты меня не бойся-я! – громом небесным разносилось над тихим Байкалом. Ну что могу сказать…

С чисто литературной точки зрения текст оставляет желать лучшего. Но, с другой стороны, глотка у старого казака лужёная, голос как у протодьякона, слышимость, наверное, на всю Сибирь, вплоть до Великой Китайской стены, дальше пойдёт эхом. Мрак…

Но самое удивительное, что, похоже, никого, кроме меня, это не раздражало. Рыбак, ловко орудующий веслом, одобрительно кивал в такт песне, а старик шаман вообще щурился от удовольствия, как объевшийся кот на коленях пожилой английской леди. Не знаю. Не понимаю. После Байрона, Шелли, Китса слушать такой примитив было как-то…

– Ольхон, однако, да, – резюмировал очевидное дедушка оставшейся в стойбище Айгуль. – Пошли давай-давай. Белая гора там!

Он неопределённо ткнул большим пальцем куда-то себе за спину. Лично я там ничего, кроме высокого леса, не видел, но надеюсь, он знает, о чём говорит.

– Пошли, что ль, твоё благородие? Али так ножки отсидел, что тебя нести надобно?!

Раздавшийся в ответ чистый звонкий смех Энни окончательно утвердил меня во мнении, что эти двое просто спелись, заключив против меня военный союз.

– Вы покажете нам дорогу? – не обращая внимания на веселье своих спутников, я тронул за плечо старого шамана.

– До Белой горы, да, покажу, – важно кивнул он. – Потом сам иди. В горе духи живут, да-да! Мне туда нельзя ходить. Никому из людей нельзя ходить.

– А мне?

– Ты ходи! Если умрёшь, сам виноват, да?

– Ну, в общем-то логично, – не стал возражать я, хотя очевидность именно такой последовательности событий была для меня отнюдь не бесспорной.

В том смысле, что если бы старый пень знал какие-то тайные детали, способные сохранить нам жизнь, но не сказал о них, вина, естественно, лежит уже на нём, а не на мне. Согласитесь, так думать куда приятнее…

Мы все выбрались на берег, а узкоглазый шаман, тряся головой и бормоча себе под нос то ли молитвы, то ли заклятия, повёл нас влево по берегу, а потом глухой лесной тропинкой куда-то вверх по склонам лесистых гор. Для своих лет двигался он на удивление бодро, одышкой не страдал, за сердце не держался и привала не требовал.

Примерно через час-полтора мы вышли на большую поляну, с которой открывался красивый вид на сияющий Байкал. Даже не дав нам толком налюбоваться, старик спокойно сел прямо на землю и, сложив ноги на восточный манер, закрыл глаза.

– Чего это он? – вполголоса спросил меня папин денщик.

– Медитация, – припомнил я подходящее словечко, привнесённое на Британские острова проповедниками из индийских колоний. – Это состояние погружения в свой внутренний мир с целью познания мира внешнего. Его душа сейчас словно бы парит в эфирных лучах астрала над всей Вселенной.

– Понятно, – согласился Матвей. – А нам-то чего делать прикажешь? Нешто так и ждать, покуда он из астрала энтого возвернуться соизволит?

– Дядя Матвей, как не стыдно?! – вмешалась пылкая мисс Челлендер. – Майк…

– Михаил.

– Ох, да, извините. Михаил прав! Мы не можем давить на этого святого человека. В конце концов, он сейчас общается с миром духов, а это весьма и весьма тонкие материи…

– Так, может, мне тут уже пора хату ставить и огород разбивать?! – всплеснул руками старый казак, и шаман в тот же миг раскрыл глаза.

– Иди туда! Скоро Белая гора будет, да-да. Там удила Чингисхана ищи. Всё, однако.

– Это вам духи сказали? – с надеждой вытянула шейку дочь английского посла.

– Какие духи? Зачем? Сам туда много раз ходил, – раздражённо отмахнулся старик курыкан. – Идите уже, да! До заката тут буду. Ждать буду. Потом к Айгуль пойду. Одна она у меня. Я у неё один.

– То есть вы с нами не пойдёте?

– Мне на гору нельзя, духи не велят, да. Белым людям можно, белые люди ходили, – туманно ответил шаман, не вдаваясь в подробности, и, ещё раз указав направление рукой, вновь закрыл глаза.

Я посмотрел на Матвея, тот пожал плечами. Похоже, ответ «духи» считался всеобъясняющим, никаких пояснений не требующим, и легко разворачивался в любой момент в любую сторону просто по настроению.

«Да, нет, не знаю, не уверен, может быть, само собой разумеется, да пошли вы, заходите ещё!» и тому подобное, без разницы – духи, и всё тут! Они знают, они говорят с тем, кто способен слышать, а всех прочих непродвинутых личностей просто презирают. Получается, наша компания и попадала в эту неприкасаемую касту…

Мы переглянулись, вздохнули и, пустив первым старого казака, тронулись в путь. Лесная тропа была малохожена, кое-где пропадала, в паре мест нам приходилось перебираться через поваленные ветром деревья, но тем не менее вскоре меж ветвями вековых елей мелькнул белый камень.

Далёкая гора, выделяющаяся из скальных пород, как белый арабский жеребец в табуне рыжих английских чистокровок, словно притягивала взгляд!

Не знаю, виновны ли в этом духи или какой-нибудь древний магнетизм, но мы все трое невольно ускорили шаг. Душу переполняло сладостное предвкушение тайны. Казалось, разгадка близко! Вот ещё чуть-чуть, мы увидим Белую гору в сердце Ольхона и сразу же всё поймём! Но только на какой именно вопрос я надеялся найти тут ответ…

– Вот и прибыли по указанному адресу, твоё благородие.

Поворот тропы так резко вывернул к серо-белому камню, что я едва не врезался Матвею носом меж лопаток. Огромная гора уходила ввысь, на её склонах росли мелкие деревья, едва заметная тропинка вела к чёрному зеву пещеры.

– Вы уверены, что это здесь?

Мисс Челлендер ткнула пальчиком куда-то вверх. Чуть левее входа на белом камне была грубо высечена буква S.

– И впрямь на удила похоже, – Матвей отступил на шаг. – Гляньте-кось, вот ежели энту скалу как конскую голову представить, то вон там шея, вон поводья, оголовье татарское, и удила губы рвут.

– Сходство есть, – бодренько поддержала Энни, хотя лично я ничего такого не увидел. Может, у меня с фантазией проблемы, не знаю. Гора как гора, вроде Меловых скал в Британии, и никакой конской головы тут и близко не наблюдается.

– Предлагаю разделиться, – начал я, вновь принимая на себя командование. – Двое идут внутрь пещеры, один остаётся на страже. Всё-таки места дикие…

– Отлично, внутрь идём я и дядя Матвей!

– Что?!

– Майкл… Ми-ха-ил! – по слогам вспомнила рыжая заноза. – Просто выслушайте меня, не обижаясь и не перебивая. Пожалуйста! Договорились?

Я молча скрипнул зубами.

– Вот и отлично, – разговаривая со мной, как с маленьким ребёнком, продолжила она. – Подумайте сами. Если вы с дядей Матвеем уйдёте, то как я, слабая девушка, смогу защититься от ваших русских волков и медведей? А если мы пойдём с вами, то… то… Это же может быть понято неправильно!

– В каком смысле? – прорычал я.

– Во всех! Вы не женаты, я не замужем, и мы вдвоём уходим в тёмную пещеру. Как там говорят французы – это же mauvais ton!

– Все белочки будут в шоке, – подтвердил я, прекрасно осознавая своё бессилие. Их двое, я – один…

– Правда же, дядя Матвей?

– Ох, что-то ноги у меня притомились, – даже не слушая нас, бывший конвоец сел на мшистый валун и начал неспешно массировать колени. – Устал. Видать, годы-то не те… Так вы бы шли уже, молодёжь, а? Я тут, на солнышке, старые кости погрею…

Сказать, что мисс Челлендер обалдела на месте, значит ничего не сказать. Думаю, что, если бы башня Святого Стефана опрокинулась навзничь, а сам Биг-Бен ударил девушку по макушке, она и то не была бы столь изумлена.

Энни переводила круглые глаза с меня на Матвея, даже прочистила мизинчиком левое ухо в надежде, что не всё расслышала. Однако лицо папиного денщика выражало столь искреннюю усталость и безграничную муку, что ей пришлось уступить…

– Дядя Матвей, может быть, мне тогда остаться с вами?

– Спаси тя Господь за твою доброту, дочка, – искренне пустил слезу старый прохиндей. – Да тока… между нами… Этот олень оксфордский в одиночку там таких дел наворочает, мы ж потом до зимы не разгребёмся!

– Это верно, он такое может, – сурово поджав губки, согласилась дочь английского посла. – Майк… Михаил, я иду с вами!

– Спасибо, – сумел выдавить я, поскольку лично меня прогулка по тёмным и таинственным пещерам со столь легкомысленной особой не вдохновляла ни на грош.

Может, всё-таки пойдем мы с Матвеем? Да прекрасно она может защититься, наорёт на любого медведя, так что мало не покажется! Я в неё верю!

– Значит, без вариантов?

– Да!

– Хорошо, я готов.

– Но учтите, потом вы будете обязаны жениться, как честный человек, – в лоб предупредила мисс Челлендер.

У меня резко пропало желание идти. Игнорируя едва дышащего от хохота папиного денщика, я проклял всё на свете, быстро соорудил два факела из мха и сухих смолистых веток, поджёг их и, не оглядываясь, бросился в чёрный зев пещеры.

Видит Бог, я был полон решимости идти один, но почему-то знал, что неугомонный Матвей мне этого не позволит. Так и вышло.

– Он сказал, чтобы я за вами присмотрела, – жалобно раздалось у меня за спиной, не успел я пройти и двух шагов. – Михаил, не обижайтесь, пожалуйста. Не думайте, будто бы я не доверяю вам. Нет! Просто в каких-то вопросах у

вашего старшего товарища больше опыта, вот и всё.

– Неужели?

– Да, поверьте мне! Но я же до сих пор не знаю, кто он вам – слуга, партнёр, мажордом, приятель, дворецкий, денщик, кто-то ещё? У вас такие непростые отношения…

– Это верно, – вздохнув, согласился я и передал ей второй факел. – Какое-то время этот вопрос занимал и меня. Сейчас я предпочту оставить его без ответа.

– Это так по-британски, – поддержала дочь покойного английского посла. – Пусть всё идёт своим чередом. Вы ведь непременно со всем справитесь, Миша?

– Постараюсь, – ответил я, до глубины души сражённый теплотой, прозвучавшей в её голосе. Неужели я ей… хоть немного…

– Но я буду вас контролировать!

Всё. Достала эта рыжая нахалка, вечно считающая себя умнее всех на свете.

И, собственно, в доказательство моих слов Энни Челлендер мягко подвинула меня плечиком и спокойно прошла вперёд. Я оглянулся на оставшегося позади Матвея.

Старый конвоец удовлетворённо хмыкнул и подмигнул мне самым фривольным образом. Ни один настоящий британец ни за что бы себе такого не позволил! Но ведь казак не джентльмен, что с него взять?!

Я мысленно сжал нервы в кулак, вспомнил, где и чему меня учили, отключил бьющий в виски голос бунтарской крови и решил постараться вести себя максимально цивилизованно. Когда мы вернёмся, я выпью у шамана целый котел этого замечательно успокаивающего чая, а пока…

– Тут нарисован человек.

– Ну да. Дедушка Айгуль сказал, что на это не надо обращать внимания, – прокомментировал я схематическое изображение человека на стене у входа.

– А что это значит? – сразу заинтересовалась Энни, водя пальчиком по глубоко процарапанным в камне линиям.

– Ну… наверное, то, что людям надо начинать свой вход отсюда. Или что всем, кто не люди, вход запрещён, – я сам не особенно верил своим словам. Но кто запрещал версии?

Мне удалось убедить мисс Челлендер пропустить меня вперёд, и, сохраняя деликатное расстояние, то есть не позволяя себе дышать друг другу в затылок, мы прошли, наверное, четверть мили, прежде чем натолкнулись на первый скелет.

– Ах, какой ужас… – тихо выдохнула дочь английского посла, позволяя себе некоторое подобие обморока.

То есть опереться плечиком о стену и сделать круглые глаза. Я автоматически прикрыл её спиной, хотя никакой реальной опасности не наблюдалось. Скелет. Ну что ж с того? Можно подумать, мы скелетов никогда не видели?

– По-моему, он мёртв уже очень давно, и явно не случайно. Я где-то читал о страшной пиратской традиции – делать подобие компаса из трупов своих же убитых товарищей..

– Вы думаете, нам надо повернуть направо?

– Ну, туда показывает его рука и поворот головы.

Прямой коридор в пещере разделился на три прохода. Мы ещё раз внимательно осмотрели останки, я присел на корточки, а Энни, подобрав подол, светила мне факелом. Ну и ещё ножкой, немного, чуть не до колена. Должен признать, что это слегка отвлекало…

– Майкл?

– Ах да, простите… – я выпрямился, отряхнув руки о сапоги. – Что могу сказать на первый взгляд? Вы когда-нибудь слышали о методе французского сыщика Лекока? Сначала он сам был преступником, потом поступил в полицию и даже открыл своё частное агентство детективов. Так вот, французская школа криминального сыска, в отличие от нашего уважаемого сэра Роберта Пиля, больше опиралась на совокупность улик, чем на допрос подозреваемого. Вы догадываетесь, к чему я клоню?

– Увы, простите, дорогой друг, – перебила меня Энни Челлендер. – И зачем нам столь долгое предисловие? Вы хотите ненавязчиво поразить меня глубиной ваших познаний или тактично намекнуть на мою необразованность в этом вопросе?

– О нет, – сразу поспешил откреститься я, делая лицо джентльмена, оскорблённого в лучших чувствах. Ну как если бы к чаю со сливками мне бы подали тост с солёным огурцом. – Как вы могли такое подумать?! Разумеется, я просто говорил сам с собой вслух. Я же филолог, и оксфордские привычки остаются навечно впечатанными в подсознании, как испанское тавро.

Энни чуть наклонила прелестную головку, словно бы извиняясь сама и одновременно принимая мои извинения. Прокашлявшись, я продолжил:

– Сколько могу судить, этот человек был убит ударом ножа. Видите вот эту глубокую царапину, даже разруб на рёбрах? Пусть не нож, пусть штык или копьё, но именно оно послужило причиной смерти. Остатков одежды нет, значит, труп положили, excuse me, в раздетом виде. Какой в этом смысл, если тело не должно было выполнять некие функции? Например, указать нам дорогу.

– Не буду спорить с вашей мужской логикой. Однако, если мне это позволено, я бы выразила некое сомнение. Право, пустячок, но… Что, если это не указатель пути, а знак того, что на данном направлении нас ожидает смертельная опасность?

Хм, такой вариант не приходил мне в голову. Но это совсем не значит, что он был так уж невозможен.

– Есть только один способ проверить…

Я улыбнулся рыжей англичанке и пошёл по правому проходу, куда указывала рука мертвеца. Примерно через десять-пятнадцать шагов земля под моими ногами резко просела, и каким чудом я не рухнул вниз, известно одному Господу Богу…

– Михаил, вы в порядке? – раздался далёкий голос дочери английского посла.

Я держался буквально кончиками пальцев за осыпающийся край обрыва, скребя сапогами по стене в поисках опоры. Если бы не твёрдая рука Энни, схватившая меня за шиворот, то не факт, что эта история вообще имела бы продолжение. Общими усилиями нам кое-как удалось извлечь меня из расщелины, и бледная девушка прижалась к моему плечу.

– Что это было? Ловушка?!

– Похоже, что так, – я всё ещё не мог поверить в то, что чудом остался жив. – Скелет действительно предупреждал, что там можно легко стать трупом.

В этот миг мой взгляд натолкнулся на схематическое изображение зайца на стене, буквально в шаге от опасного края. Ничего не понимаю. Если скелет – это смерть, то заяц…

Неужели старик шаман был прав и всё решается вот так просто? В смысле, ничего не надо усложнять…

– Куда это вы уставились?

– На зайца.

– Там? Ну-у, лично я бы назвала его мышкой с длинными ушами, – на минуточку задумалась моя спутница. – Но если вы твёрдо уверены, что это именно заяц, а не, допустим, домашний кролик, то…

Я не стал спорить, поднялся на ноги и без страха подошёл к преграждавшей нам путь расщелине. Она была не очень широкой, шага два, не более.

– Это ничего не значит, – перехватив мой взгляд, мисс Энни побледнела, как молоко. – Вы не можете быть уверены, что тот край не обвалится после вашего приземления!

– На какую примерно длину может прыгнуть обычный заяц? – сам себя спросил я и, не дожидаясь от себя ответа, просто прыгнул вперёд с места, оттолкнувшись двумя ногами одновременно. Алле-оп!

Это был необдуманный поступок. Но тем не менее земля у меня под ногами не провалилась, я не рухнул в тёмные бездны, а значит, бесшабашная надежда на необъяснимое русское «авось» вполне себя оправдала.

– Прыгайте за мной, я вас поймаю.

– Вы сумасшедший? – зачем-то спросила дочь английского посла и, отступив на два шага для разбега, отважно прыгнула вперёд. Почти удачно!

Потому что разбег явно был лишним, она не только легко перемахнула трещину, но и практически сбила меня с ног, упав в мои объятия. Это было немножко больно, но приятно…

– Не вздумайте сказать, что теперь вы обязаны на мне жениться.

– И в мыслях не было.

– Тогда уберите руки с моей талии, и продолжим путь.

Я подобрал упавший на землю факел, поднял его над головой, и в дальнейшем мы шли очень осторожно, без малейшей спешки, внимательно отыскивая на стенах рисунки и следуя их указаниям. Ну, в том ключе, как мы могли это расшифровать, разумеется.

То есть один раз нам пришлось ползти на животе шагов десять-пятнадцать, потому что на стене была изображена змея. И похоже, что правильно сделали, – мне дважды послышался неприятный визг стали, над головой словно бы пролетал лёгкий ветерок, а на полпути слева я заметил валяющиеся ноги в сапогах. Чьи-то полуистлевшие конечности были обрублены на уровне колена. И

хорошо ещё, что юная англичанка этого просто не заметила, иначе визгу было бы на всю Трафальгарскую площадь…

– Михаил, вам не кажется, что вон в том проходе брезжит свет? – чуточку гнусавя, ибо она прикрывала ладошкой нос, обратилась ко мне моя спутница.

– Возможно, – согласился я.

– А почему тут такой ужасный запах?

Я поднял факел повыше, и оранжевое пламя осветило три тела, валявшихся у противоположной стены. Кстати, пахли они действительно куда сильнее остальных, и значить это могло только одно…

– Что вы там ищете?

– Вот это, – я подошёл поближе и осветил на стене два ряда маленьких чёрных отверстий, в диаметре не больше ружейного дула. – Полагаю, что отсюда вылетают отравленные стрелы, или пули, или даже ядовитые пары. Несчастные, попавшие под этот обстрел, были обречены, яд убил их на месте. Мне кажется, нам стоило бы…

– А я нашла лошадку! – радостно вскрикнула Энни, тыча куда-то у меня за спиной. – Она бежит, верно? Давайте рассмотрим поближе.

– В следующий раз, – я тихо выдохнул, схватив её за руку.

Даю слово чести, никогда и нигде, ни на одних спортивных соревнованиях я так не бегал! Возмущённая и перепуганная мисс Челлендер что-то кричала, практически летя за мной и не касаясь каблучками земли. Только бы успеть…

Сто шагов на самой бешеной скорости, с прицепом, вытаращив глаза и сжав зубы, – я действительно ощутил себя ездовой лошадью на скачках за кубок какого-нибудь Дерби. На последних ярдах мы оба просто рухнули наземь, мокрые, обессиленные, но живые.

Я приподнялся на локте и очень аккуратно вытащил короткую металлическую стрелу, застрявшую в подоле тяжёлого платья рыжей англичанки. Как у нас факелы не погасли, ума не приложу, но позади, насколько хватало света, вся стена была истыкана стрелами, как булавочная подушечка в какой-нибудь швейной мастерской.

– Один-один, – отдышавшись, посчитала Энни Челлендер. – Я спасла вас, вы – меня. Мы квиты! Сэр, вам никто не говорил, что вы притягиваете неприятности, словно магнит – железные опилки? Это случайное совпадение или семейное проклятие?

Я не ответил. Во-первых, потому что, по моим личным подсчётам, тот «долг» за спасение моей жизни на корабле я успешно отдал ей уже раза четыре. Сегодняшний тоже не в счёт, мы оба старались, оба молодцы. А идея прямой ассоциации действий с рисунками животных – чисто моя заслуга!

Во-вторых, что она могла знать о моей семье, если я и сам толком ничего не знаю? Подзабытая биография моих достойных предков после признаний отца заиграла совсем другими красками. Династия Цепных Псов! Вот поверьте, на данный момент мне ещё очень трудно определиться, рад ли я этому неожиданному открытию.

Ну, хотя бы в том плане, что если к этим пещерным ловушкам приложили руку бывшие опричники, то сколько же жизней на их счету? Уверен, что какие-то трупы они убирали, восстанавливая смертельные преграды, а кое-что, наоборот, оставляли как напоминание и последнее предупреждение…

– Факел почти прогорел, – наконец решился я, вставая на ноги и помогая подняться девушке. – Раз уж мы сюда попали, давайте пройдём эту дорогу до конца. Вы были правы, там вдали действительно блещет свет. Надеюсь, идти недолго.

– Идёмте, – согласилась рыжая Энни, так важно кивнув, словно бы передавая мне в устной форме волю королевы-матери. – Я уверена, что впереди нас ждут несметные сокровища всех восточных царей!

– Я пришёл сюда не за золотом.

– О да, простите! Вы пришли за ответами. Что ж, надеюсь, вы их найдёте…

Дочь английского посла на мгновение сжала мои пальцы и, резко развернувшись, быстрым шагом бросилась вперёд. Я последовал за ней на слабенький свет в конце коридора. Впервые озвученная вслух мысль о несметных сокровищах кружила голову.

Понятно, что я не искал тут богатства, это правда. Но и Энни была также права – кто бы стал возводить такую систему ловушек и переходов, если не намеревался спрятать в старых пещерах нечто весьма и весьма ценное?

В нахождение могилы Чингисхана я не верил. Всё-таки он был кочевником и наверняка покоится где-нибудь в степи, под тысячелетним курганом, насыпанным его победоносными воинами. Разве может человек, выросший в седле, под вольным ветром бескрайних просторов Монголии, лечь на последний покой запертым в сердцевине горы, без солнца и звёзд над головой…

– А-а-ах, – тихо выдохнула идущая на шаг впереди мисс Челлендер, споткнувшись на ровном месте так резко, что я едва успел её подхватить.

Если вы уже прочли то, что было написано парой абзацев выше, – плюньте и забудьте! Я самовлюблённый оксфордский индюк, не видящий очевидного, даже если факты будут отплясывать флотскую джигу прямо на кончике моего учёного носа.

Перед нами открылась высокая каменная пещера, освещаемая солнечным светом, идущим откуда-то из трещин в потолке. Весь пол был завален золотом и серебром, словно легендарное прибежище сорока разбойников в сказке про Али-Бабу. Прямо под ногами россыпью валялись груды золотых и серебряных монет, искрясь и маня.

У стен высились колоннады ящиков и бочонков с выжженными клеймами европейских и азиатских банков. Слева, неровной пирамидой в мой рост, лежали тяжелые золотые слитки. Справа три разновеликих горки драгоценных камней. Просто холмики из бриллиантов и самоцветов, хоть лопатой их сгребай.

А в самом центре, до колен засыпанные старинными золотыми украшениями, стояли два золотых коня! Те самые, легенда о которых передавалась из

поколения в поколение…

Сам стиль скульптуры относился, скорее, к греко-византийской школе, но проработка прядей гривы, играющих мышц, выпученных глаз была столь детальна, что казалось, доводкой фигур до совершенства занимались уже в Китае. Кони были настолько искусственны, что казались живыми, если вы меня понимаете. А на их спинах покоился серебряный саркофаг с чеканным изображением бегущих волков.

– Чингисхан происходил из рода Синего Волка, – автоматически пробормотал я, невероятным усилием воли сдерживаясь, чтобы не прочесть целую лекцию на эту тему.

Просто так, для разрядки и успокоения нервов. Если бы под рукой была водка, я бы, наверное, выпил…

– My God, Michael, now we are rich![1 - Боже мой, Михаил, теперь мы богаты! (англ.)] – прошептала мисс Челлендер и, опустившись на колени, с тихим смехом начала перебирать колечки и цепи.

– Золотая лихорадка?

Энни не ответила. Не уверен, что она вообще меня услышала. Поэтому, позволив ей «купаться в роскоши», я прошёлся по всей пещере, внимательнейшим образом осматривая ящики, мешки и бочонки. На многих, как уже отмечалось выше, были фирменные надписи или логотипы банковских контор, торговых домов и купеческих компаний. Причём самые новые датировались буквально прошлым десятилетием.

– Кажется, это и есть знаменитые сокровища опричников, которые они успешно пополняют до сих пор, – продолжал я разговаривать сам с собой, поскольку никто меня не слушал. – Отсюда они берут деньги на все свои операции, сюда же складируют свою военную добычу. Что ж, по крайней мере это многое объясняет. Такими деньгами можно купить даже Папу Римского, а уж какого-нибудь охранника или лакея…

Возможно, часть средств – это награды или пожертвования от частных лиц. Не думаю, что их совсем уж никто финансово не поддерживает. Тем более что,

проводя ту или иную работу по защите трона Романовых, эти люди наверняка разрушают планы других людей. А как известно, цель любой политики – деньги.

Даже не столько влияние, а именно деньги как конечный продукт, за который борется любая власть. Максимально большие богатства, собранные в руках минимального количества людей. Сколько же золота скоплено здесь Цепными Псами Империи…

По моим самым приблизительным прикидкам, тут был годовой бюджет всей Великобритании или даже Европы. А если предположить, что в серебряном саркофаге действительно находится прах великого воителя, то его научная и историческая ценность вообще не поддаётся никакому описанию! Это куда выше сокровищ египетских пирамид.

– Так получается, что вся эта суета вокруг меня, все погони, нападения, стычки, смерти ни в чём не повинных людей, всё это делалось лишь с одной-единственной целью – заполучить записную книжку отца? – на секунду замер я. – Быть может, и нет никакого заговора против царя Александра, а есть банальное желание прибрать себе это золото?!

Рыжая англичанка продолжала увешиваться драгоценностями с ног до головы. Она не мешала мне, я не мешал ей.

– Нет, не сходится, – мне пришлось постучать себя в лоб, возвращая ясность ума и не строя версий без фактов. – Зачем тогда была нужна эта драка в лондонском пабе? А попытка убить меня на корабле? Или покушение на кладбище…

Меня отвлёк счастливый смех Энни. Дочь английского посла, навешавшая на себя кучу ювелирных изделий, в тяжёлых серьгах с бирюзой, жемчужными ожерельями на шее, индийскими браслетами и десятком колец на пальцах, кружилась на одном месте. Её интересовало только золото.

А что, в сущности, я о ней знаю? Если уж меня умудрились предать такие испытанные друзья, как Сэмюэль и Джеремия, то…

– Рассуждаем логически, – я встал у самых морд золотых коней, не решаясь тронуть их рукою. – Она ехала со мной на том же судне. Наши каюты были рядом. Она неожиданно появилась в нужном месте в нужный час. Десяток

разъярённых моряков по одному её приказу отпустили меня и исчезли без претензий. Она дочь того самого человека, который, возможно, убил моего отца и пытался убить меня. По её заявлению меня отправили в казематы Петропавловской крепости. Ей угрожал её же дворецкий, но не было ли это банальной инсценировкой? Она уговорила меня взять её с собой. Да, ей пришлось убить одного китайца из рядов наших преследователей, но великая ли это цена за то, что я сам привёл её в пещеру?!

– Михаил, – рыжая англичанка с горящими глазами бросилась ко мне на грудь, – вы всё время что-то бубните и бубните. Я ничего не поняла. Ну, кроме того, что теперь мы невероятно бо-га-ты!!!

– Это золото не принадлежит вам.

– Нам! – нервно поправила она. – Я сказала, что вы, я и даже ваш строгий казак, мы все теперь богаты!

– Матвей не прикоснётся к этим деньгам. Когда я расскажу ему, кто их здесь спрятал и с какой целью, он скорее отрубит себе руку, чем заберёт хоть одну монетку. Как вы заметили, наш спутник вообще человек суровых принципов.

– Ну, это его дело, – чуть приглушила восторженный тон Энни Челлендер. – Однако я не понимаю, почему мы с вами должны отказаться от своей доли сокровищ? После всего, что мы вместе пережили… это… это же… это наше священное право победителей!

– Простите, но вынужден вам отказать, – поджав губы, чопорно заявил я. – И позвольте напомнить, что целью моего путешествия на Байкал было отнюдь не личное обогащение. Как вроде бы и вашей, если не ошибаюсь? Или страшная гибель вашего отца вполне может быть компенсирована русским золотом?

От хлёсткой пощёчины мне увернуться не довелось.

У Энни были такие безумные глаза, что на мгновение мне показалось, будто бы я смотрю в лицо собственной смерти. Хотя, возможно, так оно и было…

– Вы как всегда правы, уважаемый сэр, – рыжая англичанка мгновенно сорвала с себя все украшения, бросая мне их под ноги, и с каждым словом в её голосе было всё больше и больше холода. – Разумеется, я не прикоснусь ни к одному предмету в этом зале, ибо, как вы верно заметили, мне ничего тут не принадлежит. И во всём другом мире тоже. После смерти отца мне достались лишь его карточные долги. Не мне говорить вам, что незамужняя девушка в Британии лишена любого покровительства и защиты. А в России, как вы опять-таки верно мне намекнули, я вообще никто!

– Это не так, то есть…

– И да! Как я могла забыть?! Это ведь тоже куплено на ваши деньги. – Она стала лихорадочно расстёгивать верхнюю одежду.

Поверьте, мне пришлось буквально силой останавливать её, схватив за руки. Я сильнее, я бы справился, но был буквально срублен одним точным ударом её колена в самое неподходящее место. Какой удар! Я рухнул без писка…

– Как приятно, что мы поняли друг друга. С истинным джентльменом всегда можно договориться, верно?

– Я… компен… сирую… вам… ваши расходы…

– О, неужели? – мисс Энни присела рядом со мной на корточки. – Михаил, либо вы сейчас же рассказываете мне всю правду обо всём этом, – она обвела руками своды пещеры, – либо я просто пошлю всё к чёрту и никогда, слышите, никогда больше не появлюсь на вашем горизонте!

– Понял… драться-то зачем?

– Вы первый оскорбили меня, – Энни подала мне руку, помогая подняться. – Я воспитывалась в строгих правилах и не потерплю намёков, унижающих память моего отца.

Мы стояли лоб в лоб, обиженные, надутые, каждый убеждён в собственной правоте и совершенно не слышит другого. Более того, на фоне такого количества золота нам бы, наверное, полагалось по примеру английских пиратов

пытаться задушить друг друга!

Именно это казалось на данный момент самым естественным и правильным.

Не могу теперь вспомнить, что на меня тогда нашло, но мгновением позже я вдруг шагнул вперёд и крепко поцеловал её в губы. От неожиданности она даже не сопротивлялась.

Я силой вырвал первый поцелуй и, опустив руки, так же резко отшагнул назад.

– Вы… вы в своём уме?! – В широко распахнутых глазах растерянной англичанки блеснули слёзы.

Я не стал ни отвечать, ни оправдываться. Просто наклонился и насыпал в карманы по две-три пригоршни золотых монет, кажется, современной французской чеканки.

Здесь нам больше делать нечего. Это просто склад, место, куда годами сваливали золотой фонд ордена. Я не нашёл тут разрешения никаких тайн, ничего не узнал о своём отце, разве что мог бы стать богат, но ни на шаг не приблизился к разгадке буквы S, или удил Чингисхана.

Почему именно они? Если умирающий сэр Эдвард нарисовал тот же знак, то получается, он отлично знал о существовании этой горы на байкальском острове, так почему же просто не нанял группу бандитов и не взял золото штурмом? Не успел?

Я вспомнил, с каким завидным упорством нас преследовали, и с шипением выдохнул сквозь сжатые зубы. Хорошо бы если и нашим врагам было нужно только золото…

– Надо уходить отсюда.

Мисс Энни зачем-то вытерла губы рукавом, подумала и молча кивнула.

– Когда-нибудь мы вернёмся сюда, но сейчас тут оставаться опасно. Те, кто гнались за нами, вряд ли надолго потеряли наш след.

– Хорошо, Михаил. Я прошу простить меня за поведение, недостойное леди. Эта вспышка была не…

– Энни, успокойтесь уже! – мне пришлось повысить голос. – Хватит. Мы не в Британии, здесь все эти условности и чопорность просто смешны. Но если вы действительно хотите знать правду о смерти вашего отца так же, как я о гибели моего, то ответы нам придётся искать не в этой пещере. Нам надо найти тех, кто пытался убить нас. Мне нужен их предводитель, он знает. Он многое знает…

– Я понимаю.

– Тогда идёмте? – я первым протянул ей руку примирения.

– Конечно, – юная англичанка с серьёзным видом изо всех сил пожала мою ладонь. – Но только…

– Вы опять об этом проклятом золоте, – я потянул её за рукав к выходу.

– Майкл… тьфу, Миша, простите! Я лишь хотела сказать, что вон там есть дверь.

– Где?

Энни обошла золотых коней и ткнула пальцем в маленькую, покрытую ржавчиной железную дверь, почти неразличимую на фоне стены. Я решительно шагнул вперёд, осмотрев косяки и порожек, вроде бы не нашёл ничего подозрительного. Разве что с правой руки в камне была грубо вырезана всё та же буква S.

– Посмотрим? – предложила моя спутница, зябко поводя плечиками. Её глаза смотрели на меня доверчиво и бесстрашно. На секунду мне даже показалось, что теперь в них заметны тёплые искорки каких-то иных чувств, но кто может знать правду в том, что касается женских взглядов…

– Почему нет? – я осторожно толкнул дверь.

Что удивительно, та распахнулась легко и без скрипа. Петли были хорошо смазаны. За дверью оказалась маленькая квадратная комнатка, шага три в любую сторону. При слабом свете из главной пещеры было заметно, что на противоположной стене находится ряд уже знакомых нам изображений – заяц, змея, лошадь и прочие звери. А вот прямо над ними сияла золотая ручка в виде буквы S. Удила Чингисхана!

– Как я понимаю, – деликатно прокашлялась мисс Челлендер, – если вы её повернёте, что-то произойдёт?

– Да, и я, кажется, даже знаю, что именно. Мы просто заново активизируем все те ловушки, что были у нас на пути. Удила сдерживают лошадь. В нашем случае это иносказательный намёк на сдерживание страсти незваных гостей.

– Звучит вполне логично, – подтвердила Энни, и я, взявшись за золотую ручку, попробовал повернуть её вниз. Удалось не сразу, мне даже пришлось взяться обеими руками и навалиться всем весом.

– У вас получится, вы же такой сильный… Упс?

Моя спутница не успела даже договорить, как золотая S поддалась, что-то громко щёлкнуло, и пол под нашими ногами ушёл на сорок пять градусов вниз.

Мы оба, с воплями и матом, едва ли не в обнимку полетели куда-то в темноту по наклонному жёлобу. После долгого, минут пять, пролёта в этой трубе мы чуточку успокоились, даже попробовали помолиться и простить друг друга перед Богом, на всякий случай, когда в тот же момент нас просто выплюнуло на свет в конце тоннеля.

Меня протащило спиной по каменному полу, а визжащая англичанка сидела на моей груди, держась руками и ногами, как перепуганная кошка, с круглыми глазами и рыжими кудряшками дыбом!

– Всё…

– Мы умерли, Майкл?

– Почти, – тяжело выдохнул я, морщась от боли. – То есть в плане вас не уверен. А я точно умру, если вы с меня не слезете.

– Мужчины такие неженки, – тихо хихикнула дочь английского посла, сваливаясь с меня вбок.

Я тоже невольно засмеялся, хотя каждое сотрясение отдавалось в рёбрах, но и это всё равно почему-то было смешно. Мы выбрались, мы живы, у нас всё получилось. Сколько могу судить, нас выбросило в тот самый проход, от следования по которому мы отказались в самом начале нашего путешествия по пещере Белой горы.

Буквально в десятке шагов была видна неровная арка света, словно выход в настоящую, земную жизнь. Через пару минут мы, держась за руки, словно счастливые дети, неслись навстречу старому казаку, разомлевшему на солнышке.

Матвей дремал самым нахальнейшим образом, сдвинув папаху на нос и ровно ничем не показывая своего волнения за нас. Как же я по нему скучал, слов нет…

– Дядя Матвей! – Рыжая Энни с разбегу повисла на шее старого казака, счастливо болтая ножками. – Там такое было, мы такое видели-и!..

– А я-то и заспался, грешным делом, – подмигивая мне, прогудел папин денщик. – Ну чё, твоё благородие, давай реки, аки на исповеди, чего было, чего знаешь, чего мы далее делать-то будем?

Я раскрыл было рот для подробнейшего (иначе сам лопну) ответа, как со стороны леса грохнул ружейный выстрел. Свистнувшая пуля сорвала чёрную папаху с головы бывшего конвойца.

– Плохой знак, – прорычал он, всем телом закрывая юную англичанку, а из ближайшего перелеска уже выбегали вооружённые люди, быстро беря нас на прицел.

– Китайцы, – пробормотал я, совершенно не понимая, как они могли так быстро, а главное, незаметно подобраться к нам в самый неподходящий момент.

Стрелять из револьвера против винтовки было бессмысленно, у Матвея вообще для самозащиты оставался только его кинжал, а у дочери английского посла лишь душераздирающий визг да шекспировские проклятия.

– Девку та хлопца живыми схапить! – раздался громогласный голос с тем самым акцентом.

– Вы с ним хотели встретиться? – возмущённо пискнула Энни, когда я повалил её в траву.

– Твоё ж благородие, – зарычал Матвей, плюхаясь на пузо рядом, – от кому было сказано, не ищи с ним встречи? Твою ж диссертацию! Он мой, не лезь, куды не просят!

Наши противники широкой цепью бросились в атаку. И чей-то громкий голос развеял мои последние сомнения в том, как нас нашли.

– Вот он, однако. Вот этого стреляй, да! Нехороший человек, злой человек, мою добычу не дал и дерётся шибко больно-о…

Тайкон! Незадачливый охотник, которому папин денщик пообещал вставить ствол его же допотопного ружья в одно место. Так вот кто их навёл?! Ну, спасибо! Не ждали…

Ни секунды не задумываясь, я встал на одно колено и произвёл прицельный выстрел на десять шагов. Злой охотник, с лицом в оспинах, в чей капкан попала маленькая Айгуль, схватился за грудь и без стонов, ничком, повалился в траву. Вот так!

Бельгийский револьвер «леформе», может быть, и уступает другим моделям в прицельной точности стрельбы, но на таком расстоянии убойноопасен. Последние пули я послал веером во все стороны. По крайней мере три из них нашли свою цель…

– Уходим!

Старый казак поймал меня за руку и поволок за собой. Записную книжку моего отца я на ходу сунул за голенище сапога. Если и найдут, то не сразу.

Рыжая англичанка с выпученными глазами уже подпрыгивала у него на плече, как невинная овечка на спине матёрого волка. Пользуясь тем, что наши преследователи на минуточку пригнулись после моих выстрелов, нам удалось получить не менее двух минут форы. А потом яростная погоня…

Собственно, бежать мы могли только в одну сторону, через луг, к склону горы, где в маленьком ущелье плескалась какая-то речушка. Но миновать её нам не дали…

– Забийте его!

Матвей скинул мисс Челлендер мне на руки и подтолкнул нас впереди себя.

Стрельба прекратилась, и лес словно бы ожил – со всех сторон к нам бросились китайцы, одетые в военную форму то ли французского, то ли немецкого образца. Они без всяких победных криков, молча, вытащили длинные ножи и пошли в атаку.

Их было много, больше двух десятков, и я не сразу поверил собственным ушам, услышав:

– Хлопчик, ты бы Аннушку спиной прикрыл да ручки поднял. Небось в плен возьмут, а там как-никак да и выкрутитесь.

– А вы?

– А я их чутка задержу…

Как вы понимаете, моего согласия ему не требовалось. Я был в очередной раз просто поставлен перед фактом.

– О рада-рада, о рада-рада, о рада-рада, о райда-а, – задрав бороду к небу, пропел Матвей, широко перекрестился и, выхватив из ножен длинный кубанский кинжал, прыгнул в самую гущу врагов.

Полы его чёрной черкески взметнулись в воздух, он был похож на огромного коршуна, упавшего на добычу. Признаюсь честно, я замер столбом, не в силах сделать ни одного движения, а Энни, прижавшись к моей спине, закрыла ладонями глаза, что-то надсадно шепча на одной ноте, то ли слова молитвы, то ли раскаяния.

Мир вокруг нас взорвался воплем боли, серо-зелёная масса китайских наёмников с головой захлестнула верного денщика моего отца. Двое, обойдя слева, попытались схватить рыжую англичанку, и я без малейших сомнений нокаутировал обоих, поскольку пистолет был разряжен. Третий герой, показавший излишнее рвение, получил рукояткой револьвера в лоб и с головой ушёл в полный дзен…

Матвей вырвался из толпы с медвежьим рёвом, его кинжал и руки были в крови. Я никогда не видел, чтобы нормальный человек так дрался.

Нет, неправильно, он не боксировал в традиционном английском понимании этого слова или размахивал ножом, как пьяный матрос в кабацкой драке. Клянусь Богом, он просто убивал их. Спокойно, расчётливо, без малейших сомнений принимая раны от китайских клинков, лишь бы гарантированно дотянуться до противника…

– Майкл, сзади! – взвизгнула Энни, и я едва успел обернуться, встречая очередного нападающего мощнейшим апперкотом с левой. А из лесу спешили новые и новые противники, их было слишком много для нас троих…

Катящийся ком человеческих тел остановился у самого обрыва, я сцепился с двумя китайцами, мисс Челлендер вырывалась из рук ещё одного, и, наверное, вот тогда я увидел старого Матвея в последний раз. Эта страшная картина до сих пор стоит у меня перед глазами…

– Аннушку береги, неслух! – прорычал денщик моего отца, едва держась на ногах.

Я хуком слева свернул челюсть узкоглазому мерзавцу, пытающемуся достать меня ножом, и, в невероятном прыжке бросившись вперёд, сумел удержать Матвея от падения с обрыва. Бывший конвоец, опершись на меня, поймал

равновесие и, крепко сжав моё плечо, тихо прошептал:

– Батьку твоего встречу – поклон передам. Скажу, добрый казак из его сына вышел.

– Матвей, не смейте и думать…

– Не щенок, – не слыша меня, продолжил он, – Пёс. Настоящий Цепной Пёс, в отца…

Вот в этот самый момент громом небесным грохнули три пистолетных выстрела, и тот самый человек в феске, появившись из-за кустов, удовлетворённо подмигнул мне.

Могучее тело Матвея дрогнуло, он как-то резко стал безумно тяжёлым, и я не смог его удержать. Просто физически не смог!!!

Я стоял на коленях на том проклятом обрыве, видя, как этот невероятный человек катится по камням вниз, словно кукла, изломанная злым ребёнком.

Мои глаза видели, как его тело приняла река и как вода вокруг него окрасилась красным. А потом – резкий удар, дикая боль в затылке, темнота, отсутствие света и звуков. Я ничего не помню и ничего не знаю.

Единственный, кто навестил меня в то время, был мой покойный отец. Я видел его воочию. Он просто опустился на одно колено рядом со мной и погладил меня по голове, ероша волосы.

– Папа…

– Да, Мишенька, – его голос был необычайно тих и ласков, – я всё знаю. Не вини себя, ты ничего бы не смог исправить.

– Но твой денщик, твой друг, он… Я не спас его, папа-а…

– Не надо. Матвей всегда знал, на что шёл, и думаю, понимал, чем всё закончится. Казаки первыми идут на смерть и встречают её, как невесту.

– Я не спас его. Не защитил Энни Челлендер. Я не смог наказать твоих убийц, отец.

– Ты всё сможешь, – приободрил он, указывая взглядом на серебряный браслет на моём запястье. – Ты мой сын, и ты Цепной Пёс Империи. Ты не один, но есть путь, которого никто не пройдёт, кроме тебя.

– Папа… я… ты же ничего мне не сказал. Я даже не знал, что принимаю на свои плечи, когда…

Вместо ответа он прижал палец к моим губам.

– Есть выбор, который каждый из нас делает сам. Выбор Родины, чести, веры, судьбы. Ты можешь хоть сейчас отказаться от всего, это твоё право. Никто не отнимет у тебя свободу выбора. Что бы ты не решил, я всегда буду с тобой, мой мальчик…

Я пришёл в себя от ледяной воды, водопадом ударившей мне в лицо. Чей-то голос удовлетворённо отметил, что я живой. Собственно, этот факт даже у меня вызывал естественное недоверие, но, возможно, говорящий знал больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Боже мой, Михаил, теперь мы богаты! (англ.)

Купить: https://tellnovel.com/andrey-belyanin/pulya-dlya-imperatora-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити